

Я ПОВЫВАЛА в Пермском драматическом театре после пятнадцатилетней разлуки, время которой при нынешней девальвации всего и вся, в том числе и времени, можно было бы смело множить на три, как на войне. Одно, правда, всеяло надежду: во главе театра вот уже более четверти века стоит Иван Тимофеевич Бобылев — человек, многое сделавший для развития современного отечественного театра.

— Иван Тимофеевич, а почему вы на афишах театра по-прежнему указываете: «Народный артист СССР, лауреат Государственной премии»? Ведь очень многие из ваших именитых коллег как-то в одночасье упразднили свои именные звания.

— Я немало прожил на свете, честно трудился, не искал легких путей и престижных мест, был горд, когда удостоился чести именоваться народным артистом Советского Союза. С какой стати я стану предавать и перечеркивать свою собственную жизнь?

— Но посмотрите, сколько еще недавно почитаемых нами деятелей театра и кино стали организовано восхвалять власть имущих в печати и по телевидению, словно бы не замечая, в какую усающую бездну падает страна?

— Я сожалею о том, что мой список друзей и просто порядочных людей несколько поубавился. Это для меня, понимаете ли, процесс необратимый. Надеюсь, что многим из них стыдно, хотя бы наедине с собой.

— Сегодня, когда подавляющее большинство наших соотечественников очутились за чертой бедности, что может театр предложить людям?

— Не надо обладать особой проницательностью, чтобы заметить: человек стал более рагим в своих реакциях на то, что с ним происходит. И, думаю, одна из главных причин — потеря общественных идеалов, которые сегодня настолько разрушены и скомпрометированы, что каждый человек вынужден создавать для себя собственный идеал, спасаться душевно в одиночку.

Расстояние между добрым и дурным поступком становится все короче. Если раньше этот путь был связан с определенной душевной перестройкой, осознанием совершенного греха, нередко с муками покаяния, то теперь он как бы программируется официальной действительностью, совершается безбоязненно и даже, напротив, возводится нередко в необходимость.

Из-за всего этого задача театра — выявлять тайны души человеческой — по сравнению с предыдущими годами намного усложнилась.

— Как же театр раскрывает человека?

— Сегодня для этого применяется очень много самых разнообразных способов и приемов. Но как бы смелы они ни были, на какую бы сверхоригинальность ни претендовали, опасность упрощения до дилетантской развязности чрезвычайно велика. В одной из постановок «Вишневого сада» Раневскую изображают опустившейся особой, наркоманкой, истеричкой. Наверное, это можно назвать болевым

нальным состоянием современно-го человека.

ОТ СПЕКТАКЛЯ к спектаклю я прониклась убеждением, что мысли, высказанные Иваном Тимофеевичем, — не просто смелая декларация, а естество его жизни, творческой деятельности руководимого им театра даже тогда, когда его имя как постановщика не значится в афише.

Пьесе «Правда хорошо, а счастье — лучше» Островского поставил М. Галант. Ну чем, кажется, сегодня, в нашем отечественном Вавилоне, где огненные слова «мене тэжел фарес», предвещающие всеобщую гибель, загорятся перед каждым с минуты на минуту, могут нам по-

свое мастерство, не уступающие корифеям Малого театра. Этот дар божий настолько щедр и заразителен, что рядом и молодые исполнители — студенты Пермского института культуры и искусств Ольга Пудова (Поликсена) и Вадим Некипелов (Платон) буквально расцветают на глазах, преодолевая изначально скованность.

Первое появление Платона сразу разрушает хрестоматийные каноны: внешность у него скорее характерная, чем ампула красавца героя. Поначалу даже удивляешься, чем покорила он очаровательную своегравную Поликсену. Но по ходу событий в нем открываются такая душев-

желтой прессы.

Ларион Рыдлов, графоман-миллионщик, фигура одновременно и смешная, и жалкая, и драматичная. Кое-какие знания, которых он поднабрался в университете, образовали в его голове чудовищную кашу и глубочайшую убежденность в собственном писательском таланте.

«..Я желаю написать серию очерков в смысле анализа современного общества. Ведь от нас, «третьего сословия», теперь вся Россия ждет спасения. Ну-ка, мол, вы, миллиончики, обнаружите ваш духовный капитал. Прежде дворянство давало писателям, а теперь уж, извините, наша очередь».

Талант — единственная новость

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

мочь патриархальные персонажи из тихого купеческого мирка далекой старины?

Но поскольку на сцене люди не играют, а живут, то силу своего таланта они вовлекают нас в эту жизнь, превращают из беспристрастного зрителя в участника, сопереживателя героев спектакля, в которых таким чудесным образом, как и в каждом из нас, намешано и короче, и жестоко, и наивное, и смешное, и до глубины души трогательное — словом, вечное.

Вроде, права в благополучном финале Мавра Тарасовна Барабашева, говоря, что правда хорошо, а счастье-то — лучше. Но всей своей логикой, всем своим естеством спектакль утверждает: так-то оно так, да ведь без правды и счастья не бывать.

Классика потому и классика, что во всякое время в ней можно найти ответы на животрепещущие вопросы. Особенно в таком талантливом, ярком исполнении. Тон спектаклю задают ведущие мастера театра народная артистка СССР Л. Мосолова и народный артист России Е. Шальников. Дуэт Мавры Тарасовны Барабашевой и Силы Ерофеевича Грознова воистину ослепителен. В нем и искрометный юмор, и неповторимый народный колорит, и великое актер-

ство. Мы не выродились, как два, не. Во-вторых, обеспеченность — это тоже важное условие: творить человек может только на свободе. А какая же это свобода, ежели у человека — пардон! — и подметки даже заложены? Наконец, я так свою книгу издам, что одной внешностью всякого ушибу. Вот и выходит, что сливки-то общества теперь мы. Дудки! Нас уже не затрепещет. Теперь вокруг капитала «все сконцен-трировано!»

К счастью, Рыдлову повезло меньше, чем издателям нынешних газет легкого жанра и поведения. Не разрешили зазвучать его «Эху».

Актуальность «Джентльмена» расцвечена великолепной режиссерской работой Александра Володина, его богатой фантазией. Оригинальными и уместными выглядят использованные в мизансценах приемы немого кино, яркие пластические находки. Свежа и выразительна сценография Елены Соловьевой.

В этой сценической работе нет «черно-белых» героев, каковыми они могли бы показаться при беглом чтении пьесы. Михаил Гасенегер виртуозно играет Джентльмена. Он то потешает нас своим дремучим дилетантизмом, то приоткрывает потаенную

жизнь, за нами свежесть. Мы не выродились, как два, не. Во-вторых, обеспеченность — это тоже важное условие: творить человек может только на свободе. А какая же это свобода, ежели у человека — пардон! — и подметки даже заложены? Наконец, я так свою книгу издам, что одной внешностью всякого ушибу. Вот и выходит, что сливки-то общества теперь мы. Дудки! Нас уже не затрепещет. Теперь вокруг капитала «все сконцен-трировано!»

К счастью, Рыдлову повезло меньше, чем издателям нынешних газет легкого жанра и поведения. Не разрешили зазвучать его «Эху».

Актуальность «Джентльмена» расцвечена великолепной режиссерской работой Александра Володина, его богатой фантазией. Оригинальными и уместными выглядят использованные в мизансценах приемы немого кино, яркие пластические находки. Свежа и выразительна сценография Елены Соловьевой.

В этой сценической работе нет «черно-белых» героев, каковыми они могли бы показаться при беглом чтении пьесы. Михаил Гасенегер виртуозно играет Джентльмена. Он то потешает нас своим дремучим дилетантизмом, то приоткрывает потаенную

агрессивность, то вдруг ошеломляет наивной искренностью.

СТРАННУЮ КОМЕДИЮ Семена Лобозерова «Семейный портрет с посторонним» поставил сам Иван Тимофеевич Бобылев. К этой работе большого мастера в полной мере относится выражение «смех сквозь слезы». Действительно, сюжет несколько фантастично-ироничен. Незадачливый (Ф. Торощенко) ухажер симпатично Тани приводит к ней в дом художника-постояльда и, заранее ревнуя ее к городскому гостю, сообщает домочадцам, будто Виктор только что из «психушки» и надо держаться от него подальше.

Ему же он на всякий случай то же самое говорит о хозяевах: Тимофею (Е. Шальников), Катерине (Ю. Найдина) и Бабе (Л. Мосолова). И снова счастье встречи с этим изумительным дуэтом. Лидия Владимировна не подражаема, Гомерический хохот вызывают не только реплики ее Бабки, но даже паузы, которые она держит.

Шальников играет ее сына — железнодорожника, пребывающего весь спектакль в постели по случаю травмы ноги. Чтобы поднять дух, он потребовал от домашних устроить праздник по случаю собственных именин, вокруг которых и развиваются события.

На глазах у зрителей разыгрываются леденящие душу события, когда настроенные соответствующим образом люди видят друг в друге чуть ли не потенциальных убийц. Гость баррикадируется в своей комнате. Баба запирает его снаружи, а Тимофей требует подать ему топор. Вроде бы явная комедия положений, написанная Лобозеровым в оригинальном стиле. Но постепенно на сцене начинает все слышнее звучать какая-то тревожная, не лишённая печали нота. Да в кого же вы превратились, люди добрые? Вы на самом деле ведь и вправду добрые, гостеприимные, работающие, мудрые.

Меняется времен суворость, Ветшают старые слова.

Талант — единственная новость.

Которая всегда нова.

Я покидала Пермь со страстным желанием, чтобы эти прекрасные спектакли увидели москвичи, чтобы получили и они в этот, далеко не радостный, еще более переходный, чем прежние, этап жизни глоток свежего жизнеутверждающего искусства, проникнутого любовью к человеку, заботой о тайниках его души.

Ирина ПИРОГОВА.